

«Всё, что разумно, то действительно; и всё, что действительно, то разумно». Это положение объективного идеализма означает, что всякое разумное начало обретает реальное воплощение, а любая объективная реальность подчинена законам разума.

— Георг Вильгельм Фридрих Гегель, «Философия права»

9 октября 2018 года, 09:18

У ворот Второй народной больницы Лунцзяна, прямо у края проезжей части, стоял роскошный чёрный лимузин, резко выделявшийся на фоне серой толпы.

Стеклянные раздвижные двери вестибюля то и дело разъезжались, и из здания, согнувшись в угодливых поклонах, высыпала целая делегация больничного руководства. Все они с величайшим почтением провожали одного-единственного человека.

Возле лифтов яблоку негде было упасть. На крыльце и у входа выстроились крепкие телохранители в строгих чёрных костюмах. Проходившие мимо пациенты и их родственники испуганно косились на эту суровую охрану и старались держаться подальше.

Сам виновник переполоха — господин Фу Байлун, который накануне обещал провести в клинике лишь одну ночь и сразу же выписаться, — не испытывал от столь торжественных проводов ни малейшей радости. Напротив, укутанный в тёплое шерстяное пальто и скрывающий глаза за тёмными очками, он чувствовал лишь нарастающее раздражение.

— Господин Фу! Какая честь, какая честь! — лебезил седовласый мужчина, семена рядом. — Моя фамилия Ван, я директор Второй городской. Раньше доводилось видеть вас только на экранах телевизоров, но лично... Боже, вы так молоды, так успешны! Настоящий пример для подражания, уверяю вас!

Фу Байлун не удостоил его даже взглядом.

— То, что для лечения вы выбрали именно нашу скромную обитель, — величайшая честь для всего коллектива! Простите, если вчерашний приём показался вам поспешным. В следующий раз — не дай бог, конечно, заболеть, но всё же — мы немедленно предоставим вам лучшую люкс-палату для высшего руководства! Весь персонал будет к вашим услугам круглые сутки. И очень, очень надеюсь, что наша больница сможет посотрудничать с господином Фу в сфере благотворительных медицинских проектов города Лунцзян...

Фу Байлун промолчал, и его лицо под тёмными очками оставалось холодным, как лёд.

«Он сейчас льстит мне или просто каркает под руку?» — раздражённо подумал Байлун.

Сквозь стёкла очков он безучастно наблюдал за суетой вокруг. Отвечать на этот словесный поток он не собирался.

Навязчивый мужчина, без умолку трещащий над ухом, действительно был директором Ваном. Ради личной встречи с главным богачом Лунцзяна он сегодня утром отменил важную командировку.

Для человека любого круга знакомство с Фу Байлуном было золотым билетом. А тут такой шанс: магнат пострадал и волей случая попал в их пригородную больницу. Пусть травма пустяковая и пробыл он здесь всего ночь, но если умаслить высокого гостя, тот мимоходом может отсыпать миллион-другой на благотворительность. Для таких господ это сущие копейки.

Байлун насквозь видел их корыстные помыслы, написанные прямо на физиономиях. Подобных типов он встречал сотнями — и в детстве, и уж тем более после того, как унаследовал семейную империю. За всю жизнь единственным человеком, чьё отношение не измерялось деньгами, для него оставался Чэнь Чжэнь. Все остальные лезли вон из кожи ради наживы.

Именно поэтому с годами он стал нелюдим и на дух не переносил чужаков. К счастью, его личный секретарь Рэйчел Чжан прекрасно знала повадки таких прилипал. Облачённая в строгий деловой костюм, она со своей обычной невозмутимостью пришла на выручку боссу.

Усадив хмурого Байлуна на заднее сиденье, эффектная брюнетка преградила путь сгорающим от нетерпения медикам. На её безупречном лице заиграла вежливая, но холодная улыбка:

— Благодарим руководство клиники за заботу. Провожать дальше не стоит, господину Фу необходим покой. Все вопросы касательно благотворительности и грантов вы можете направлять напрямую мне. Вчера ваш персонал сработал профессионально, так что если у вас есть перспективные социально значимые проекты, корпорация Фу рассмотрит возможность их финансирования. Это наш стандартный подход.

— О, разумеется! Всё понимаем! — так и засиял директор Ван, готовый расцеловать секретаршу за призрачное обещание миллионов. — Спасибо вам огромное, госпожа Чжан! Всего доброго, господин Фу! Счастливого пути! Берегите себя!

Получив заветный намёк на щедрый чек, хитрый делец перестал докучать. Он лишь театрально помахал рукой вслед отъезжающему автомобилю. Байлун откинулся на кожаное сиденье и, поморщившись от бьющего в глаза солнца, жестом велел водителю поднять стёкла.

Спалось ему в этой захудалой пригородной лечебнице из рук вон плохо. И хотя Чэнь Чжэнь оставался в его палате почти до рассвета и ушёл лишь из-за неотложных утренних дел, Байлун чувствовал себя разбитым. В таком состоянии он обычно искал, на ком бы сорвать злость.

Перед уходом Чжэня они толком и не поговорили по душам. Всё обсуждение свелось к делам, и сменить тему на более личную так и не выдалось минуты. Впрочем, кое в чём разговор оказался полезным: Байлуну удалось прояснить у друга важный вопрос касательно проекта по поиску «подвидов», который ему поручило Государственное космическое управление Китая.

— Гуманоидные существа, внешне неотличимые от людей, но со свирепо изменённым геномом? — переспросил тогда Чжэнь, удивлённо приподняв брови. — Откуда у тебя такие сведения, Байлун? Мне сложно ответить на этот вопрос с ходу.

Это случилось накануне вечером. Байлун лежал на больничной койке с перебинтованной головой и в лоб спросил Чжэня о том, что не давало ему покоя.

Молодой учёный-биолог, за плечами которого были годы исследований в американских лабораториях, не на шутку растерялся. Его лицо выражало крайнее замешательство.

С точки зрения академической науки вопрос Байлуна звучал абсурдно, и Чжэнь просто не знал, как реагировать. Сам Байлун, будучи далёк от биологии, не понимал, что так поразило его друга, а потому сухо подстегнул его:

— Почему тебе сложно ответить? Что здесь не так?

— Дело не в формулировке, — Чжэнь вздохнул, подбирая слова. — Твоя гипотеза — это то, что на Земле в принципе невозможно. Спроси меня о любом другом виде, я разложу всё по полочкам: в пищевой цепи почти всегда найдутся родственные ветви со схожим, но модифицированным геномом. Но только не у человека. Знаешь почему?

— Почему же?

— Потому что человек с момента своего появления уникален. У нас нет генетических двойников или близких родственников среди высших приматов, если говорить о жизнеспособных ветвях. Современное человечество — единственный вид на планете, не имеющий подвидов. Это фундаментальная аксиома земной биосферы.

— Единственный? Но почему? — нахмурился Байлун, недоверчиво сощулив глаза.

— Точного ответа нет, — терпеливо объяснил Чжэнь. — В далёком прошлом сосуществовали разные виды Номо, те же неандертальцы, но в итоге остался лишь один разумный вид. Почему эволюция безжалостно стёрла все параллельные ветви — загадка.

— Но неужели нет организмов со схожим набором генов?

— О, таких полно, — грустно усмехнулся биолог. — Но если я назову их тебе, ты ни за что не поверишь, что они имеют к нам хоть какое-то отношение.

— И кто же это?

— Например, обыкновенный банан. Наш геном совпадает с его ДНК почти на шестьдесят процентов.

— Банан?! — Байлун даже онемел от изумления. Подобный ответ никак не укладывался у него в голове.

— Именно, самый обычный банан, который мы едим на завтрак. Неожиданно, правда? На самом деле в природе немало организмов со схожими фрагментами ДНК, но ни один из них не является человеком.

— Крошечное различие в хромосомах способно полностью изменить весь облик живого существа. Поэтому с точки зрения биологии появление жизнеспособного человекоподобного «подвида» на Земле исключено. Вот почему мне так трудно ответить. Понимаешь, великий Гегель говорил: «Всё разумное действительно, а всё действительно разумно». Но моя наука не может оперировать тем, что выходит за рамки разума. Считать реальным то, что научно невозможно — значит предать основы моей профессии.

На этом их ночной разговор исчерпал себя. Чжэнь высказал своё мнение прямо и честно, но этот научный вердикт лишь сильнее запутал клубок тайн.

«Если Чжэнь прав, то как объяснить всё, что приключилось со мной этой ночью? — размышлял Байлун. — Но если наука ошибается, кем тогда был тот ублюдок Ван Цян со своей безумной, пугающей силой и аномальными генами?»

Разгадка пока ускользала от него.

Больше расспрашивать друга он не стал и закрыл опасную тему, а вскоре ушёл и сам Чжэнь, спешивший по каким-то неотложным делам. Мучимый тяжёлыми думами, Байлун проворочался на неудобной койке до утра. Теперь же он не желал оставаться в пропахших дешёвой хлоркой стенах лечебницы ни единой лишней секунды.

Закончив церемонию проводов, Рэйчел скользнула на переднее сиденье роскошного лимузина. За рулём сидел незнакомый Байлуну мужчина с простым, располагающим к доверию лицом. Секретарь лично нашла его вчера поздно вечером через отдел кадров компании.

Местный, семейный, с безупречной анкетой и многолетним стажем вождения — этот человек казался идеальным и безопасным кандидатом. Предыдущего водителя, из-за халатности которого Байлун едва не погиб, временно отстранили от работы. По доброте душевной хозяин велел не раздувать скандал, так что виновник отделался лишь временным лишением премии и отпуском за свой счёт. Раньше подобное великодушие со стороны молодого господина было просто немыслимо.

Но вчера рядом был Чжэнь, и настроение босса оставалось на удивление сносным. Рэйчел положила на сиденье сумку со сменными вещами, из которой сиротливо выглядывал начищенный до блеска металлический армейский термос-судок.

Не успела она дать водителю отмашку трогаться, как с заднего сиденья донёлся недовольный, ледяной голос босса:

— Зачем ты притащила эту жестянку в машину?

В каждой черточке его лица сквозило такое брезгливое отторжение, будто секретарша держала в руках кусок гнилого мяса, а не чистый пищевой контейнер. Рэйчел, заметив этот испепеляющий взгляд сквозь тёмные стёкла его очков, растерялась.

— Но разве его не нужно забрать? — удивлённо моргнула она. — Я увидела его на тумбочке у кровати. Он был так тщательно вымыт, что я подумала, у вас на него какие-то особые планы...

Байлун мгновенно лишился дара речи. На его лице отразилась целая гамма противоречивых чувств.

Отрицать очевидное было бессмысленно: этот дешёвый, потрёпанный судок действительно вымыл он сам. Лично. Собственными руками, которые отродясь не занимались ничем подобным.

И это несмотря на травму головы и строжайший запрет врачей вставать с постели! Несмотря на то, с каким презрением он относился к наглому хозяину этой копеечной посуды, посмеявшему оставить её в палате! Вчера ночью, когда Чжэнь ушёл и Байлун остался в палате один на один со своими невесёлыми мыслями, его словно бес попутал. Он встал, доковылял до раковины и принялся отмывать жестянку под краном.

Разумеется, перед этим он подчистую съел всё, что было внутри. Сначала он уверял себя, что кусок в горло не лезет после пережитого ужаса и схватки с мутантом. Но изнурённое тело оказалось гораздо честнее разума — оно требовало калорий.

Беспокоить Рэйчел посреди ночи и гонять водителя ради еды из ресторана не хотелось. Когда ушёл единственный близкий человек, Байлун внезапно почувствовал себя невыносимо одиноким. Именно в этот момент его блуждающий взгляд наткнулся на термос-судок, оставленный наглым мошенником Ли Се.

До этого он принципиально не притрагивался к нему, даже когда Чжэнь поинтересовался происхождением судка. Но теперь... Самые близкие люди разъехались по своим неотложным делам. Они искренне любили его и заботились, но суровая реальность заключалась в том, что никто из них даже не подумал спросить, ужинал ли он сегодня.

Зато совершенно чужой человек, которого он видел всего дважды в жизни, притащил ему эту стряпню. Да, она была дешёвой и подозрительной, возможно, туда вообще подмешали какую-нибудь отраву, но...

В тишине палаты раздался протяжный, предательский звук.

«Гр-р-у-у...»

Его изнеженный желудок впервые в жизни так бесстыдно взбунтовался от голода.

Полежав в темноте и претерпев несколько минут жесточайшего самопрезрения, молодой миллиардер решил, что смерть от голода — слишком нелепый финал. Поборов гордость, он поднялся, протянул руку и открыл контейнер.

Внутри оказалась порция белого риса, скромный омлет на растительном масле и тушёные овощи. Простая домашняя еда выглядела непритязательно, но для больного с сотрясением мозга лёгкий вегетарианский ужин был идеальным выбором. К тому же пахло от него на удивление заманчиво.

Кое-как справившись с внутренним сопротивлением, Байлун съел всё до последней крошки. Насытившись, он столкнулся с другой дилеммой. Аристократическое воспитание не позволяло вернуть грязную посуду. Превозмогая слабость и чертыхаясь про себя, изнеженный наследник великой империи впервые в жизни встал у раковины и собственноручно вымыл судок до зеркального блеска.

Вспоминать о пережитом позоре и «борьбе» с каплями жира не хотелось. Но теперь, едва завидев этот злосчастный термос в руках секретарши, он вновь почувствовал прилив острой неловкости. Весь этот дурацкий инцидент с больницей, мутантом и проклятым Ли Се стоял у него поперек горла.

«Какая нелепость! — злился Байлун. — Дурацкий судок, дурацкая больница... И этот невыносимый Ли Се, который вечно путается под ногами!»

Стоило ему вспомнить о наглом спасителе, как остатки ночной признательности тут же испарились, сменившись привычной глухой неприязнью. К тому же он до сих пор не вернул долг за лекарства.

Байлун терпеть не мог оставаться должником. «Верну деньги, отдам посуду — и больше мы никогда не увидимся», — решил он.

Повернувшись к секретарше, он процедил сквозь зубы:

— Положи его назад. И убери так, чтобы я его больше не видел.

— Хорошо, господин Фу, — послушно кивнула Рэйчел.

Она давно привыкла к капризам и перепадам настроения босса, хотя мотивы его нынешнего недовольства оставались для неё загадкой. Секретарь молча убрала термос в багажную сумку.

Удовлетворённый её послушанием, Байлун немного расслабился. Он уже собирался дать Рэйчел поручение разузнать всё о Ван Цяне, как вдруг его взгляд упал на зеркало заднего вида, в котором отразились глаза нового водителя. Тот сидел смирно, слегка опустив голову, как и подобает вежливому наёмному работнику. Байлун мимоходом окинул его взглядом, не планируя заводить лишних разговоров.

Но именно в секунду, когда их взгляды разошлись, рука водителя скользнула по рулю, и рукав его форменной куртки слегка задрался. В глаза Байлуну бросился тёмный контур татуировки на запястье мужчины.

«Что это за знак?» — мгновенно подобрался Байлун.

Рисунок был сложным и пугающим. Заметив пристальный взгляд хозяина, шофёр тут же одёрнул рукав и виновато, по-простецки улыбнулся в зеркало. В этой улыбке не было ничего подозрительного — обычная неловкость простого работника перед грозным боссом.

Однако внутреннее чутьё Байлуна уже забило тревогу. Он слегка прищурился и незаметно перевёл взгляд на затылок мужчины — кожа на шее водителя казалась неестественно, мертвенно-бледной. Обычный человек не стал бы искать подвох в каждом жесте нового слуги. Но Байлун вырос в мире, где за малейшую оплошность платили жизнью, и его подозрительность давно стала профессиональной деформацией.

Каждое движение этого человека — то, как он держал руль, как напрягались его плечи — выдавало в нём кого угодно, только не профессионального шофёра. А татуировка... Байлун обладал феноменальной памятью на символы. Тот узор отдалённо напоминал клеймо тайного религиозного культа, поклоняющегося какому-то древнему, давно забытому божеству. Лик на рисунке был искажённым и жутким.

Выдавать свои подозрения раньше времени было глупо. Байлун решил притаяться и понаблюдать. Сделав безразличное лицо, он проглотил готовые сорваться с языка вопросы о Ван Цяне. Вместо этого он принял свой привычный образ праздного, капризного богача и лениво протянул:

— Рэйчел, после того как я вчера так досадно пропустил свидание с госпожой Чжан, она больше не пыталась со мной связаться?

— А? Госпожа Чжан? — Рэйчел на секунду растерялась от столь резкой перемены темы. — Да, звонила несколько раз. Но я вежливо ответила, что вы временно заняты.

— Отлично. Набери её прямо сейчас.

— Что ей передать? — секретарша удивлённо приподняла брови.

— Скажи, что я уже на ногах и горю желанием загладить свою вину перед прелестной дамой. Пусть даст нам ещё один шанс сегодня вечером. Место — на её выбор. Передай, что я с нетерпением предвкушаю эту встречу.

<http://bllate.org/book/18327/1763747>